

Девочка Трусень

*Облака
в лужах*

Девочка Грусть

Облака в лужах. Сборник стихов

«Издательские решения»

Грусть Д.

Облака в лужах. Сборник стихов / Д. Грусть — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831017-1

Мечтаю навсегда остаться чистой, наивной и открытой, как в детстве, поэтому — Девочка. А стихи, как музыка, заставляют играть самые тонкие струны души, превращаясь в чудесные мелодии, навевая восхитительные чувства лёгкой печали, поэтому — Грусть. Стихами наслаждаюсь, успокаиваюсь, живу... Это и есть для меня — Любовь и Свет.

ISBN 978-5-44-831017-1

© Грусть Д.
© Издательские решения

Содержание

Облака в лужах	6
Я назову тебя по имени...	7
Она давно ни с кем не умирала...	8
Для кого?	9
Пока ещё...	10
Будь всегда...	11
Время-часовщик	12
Стихи будут...	13
Наступит осень	14
Пьяный художник	15
Зачем опять все мысли о тебе?	16
Розовой зарёй	18
Знаешь, Дима...	19
Не читай...	20
Рифмой играя...	21
Мне нравится быть счастливой	22
Неужели, так могут люди...	23
На перекрёстке	24
Моя любовь	25
А знаешь...	26
Так странно...	27
На мостовой...	28
Здесь и сейчас	29
Не обещал...	30
Я не могу себе позволить...	31
Зеркала	32
Тихо...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Облака в лужах Сборник стихов Девочка Грусть

© Девочка Грусть, 2016

ISBN 978-5-4483-1017-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Облака в лужах

Дождь разлил по земле лужи,
Утопил в них моё небо.
Я иду по нему в небыль,
Шаг за шагом тону глубже.

Ощущаю его телом,
Облаками его мысли,
Будто сон неземной снится,
Я по небу хожу смело.

Я по небу иду в лето,
Его птицы – мои крылья,
На земле я дышу пылью,
А на небе одним светом.

Вижу счастье в простой луже,
На земле задыхаясь пылью,
В небо душу свою вылью,
В знак его и моей дружбы.

Я назову тебя по имени...

Я тихо назову тебя по имени...
Ты слышишь шёпот плачущих берёз?
Под этим небом из бумажных звёзд,
Мы были для кого-то нелюбимыми,
А кто-то нас любил до слёз.

А кто любил – зачем-то нас покинули...
Но каяться за это – нам с тобой,
Под этой старой, выцветшей луной,
И раны врачевать, неизлечимые,
Не знаю кем и чем... Но я – тобой.

Ведь в имени твоём – любовь и музыка...
Я слышу, как струится ночь в окно.
И будто в кружевное полотно
Сплетаются безликие иллюзии,
О том, что слишком больно и грешно.

А в имени твоём сентябрь... Листьями
Как тёплым одеялом, до весны,
Он спрячет наши ветренные сны.
Но будут по ночам греметь, как выстрелы,
Слова, в которых мы обречены.

Зима укроет город хрупким инеем...
И холодом сердца введёт в гипноз.
Под этим небом из колючих звёзд
Спасусь твоим, бесовски тёплым, именем...
Ты слышишь шорох плачущих берёз?

Она давно ни с кем не умирала...

Она любила ночь и сигареты,
И легкий вкус ментола на губах,
Не на своих, естественно. А лето,
Как леди на высоких каблуках,
И в шляпке апельсинового цвета,
Плясало по ночам в её глазах.

Она не уставала от земного,
И не курила чувства, как табак.
Ложилась спать стабильно в полвторого.
В безумие панических атак
Впадала регулярно в полседьмого.

Она не налегала на спиртное,
Пила всегда за ужином сто грамм
Настоя безразличия. К чертям
Привычно посылала всё былое.
Молилась ежедневно всем... котам.

Как беженка из местного дурдома,
Она дружила с плюшевой совой.
Живых боялась сов. Боялась грома,
И ссорилась частенько с головой.
И ко всему всегда была готова.

Она любила ночь и звездопады,
И редко выходила из себя —
Купить флакончик меда из лаванды,
И погулять по краешку дождя —
Шальные мысли привести в порядок.

Она давно ни чем не зарекалась,
Не плакала, наверное – лет сто...
Она давно никем не любовалась,
Не поджигала писем и мостов.
Она давно ни с кем не умирала...

Для кого?

Там где кончается страх – начинается свет,
Шаг в неизвестность меняет события века,
Только, увы, в человеке найти человека —
Верх безнадёжности, если его в нём нет.
Верх безрассудства – лепить пластилиновый мир,
Строить дома из картона, любовь – из иллюзий.
Мерзко – всё время плясать перед кем-то на пузе,
Тая, при встрече, как летом – дешёвый пломбир.
Там, где кончаются сны – начинается явь,
Там, где молчание – нет ни стыда, ни притворства.
Как же бессмысленно быть для кого-нибудь солнцем,
Если тот кто-то захочет остаться впотьмах.
Верх оптимизма – искать в человеке тепло,
Если в глазах у него – ледяные планеты.
Просто так хочется быть для кого-нибудь светом,
Только, увы, остаётся вопрос – для кого?

Пока ещё...

Пока ещё есть топливо на земле,
Будут летать самолёты, ходить автобусы...
А на маленьком настольном глобусе —
Жёлтые пятна чужих континентов. И мне
Кажется вновь, что люди рассыпаны бисером,
Ничтожно-крошечным, по голубой планете.
Будто бы пеплом развеяли нас по ветру,
Вдаль друг от друга однажды зачем-то выслали.
Но пока ещё связаны тонкими нитями,
Мы стремимся друг к другу телами, а может быть, душами,
И пока это небо на нас не обрушится,
Не накроет тела наши серыми плитами,
Будем ждать, пусть не встреч, хоть – ночных звонков,
Сквозь пространство и время, касаясь друг друга словом...

Я хочу, чтобы ты был ближе. Об этом снова
Я прошу терпеливо твоих и моих богов.

Будь всегда...

Не хочу, я не верю в то,
Что всё стихнет, уйдёт, увянет,
Всё, что было и нет, с нами,
Всё, что будет ещё у нас.

Ярко-красным горит восток,
Я целую его глазами,
Это небо благославляя,
Даже сплю не смыкая глаз,

Умоляю его, прошу —
Пусть не стихнет твоя стихия,
Не исчезнет в миры иные,
Не покинет моей души.

И, пока я ещё дышу,
Не увянут рассветов маки.
Ты, как, солнце мой яркий факел,
Будь всегда, и со мной дыши.

Время-часовщик

Тревожно бьют в набат дожди и грозы,
И время рассыпается песком,
И снова, лепесток за лепестком,
Падёт на землю лето, будто слёзы
О прошлом неоплаканном моём.
И, с временем сойдясь в смертельной схатке,
Я знаю наперёд – обречена.
Безвыходностью вновь утомлена,
Бегу по бездорожью без оглядки,
А ночь так неоправданно темна.
И там, за поворотом чьей-то жизни,
Застыв навек фигурой восковой,
Кажусь одушевлённой и живой,
Но лишь для тех, кто не читает мысли,
Кто видит лишь глазами, не душой.
Да только не понять им, что таится,
За каждым взмахом кукольных ресниц,
За долгим криком перелётных птиц,
За каждой непрочитанной страницей,
За холодом чужих жестоких лиц.
И это ощущение безумства
Меня не покидает ни на миг.
Душой – я дальше. Время-часовщик
Считает встречи, разбивает чувства,
И рвёт страницы чьих-то добрых книг.
Но есть душа, без дна и без предела,
И ею быть приятней во сто крат.
Ей не присущ ни облик, ни формат,
И так же есть любовь на свете белом,
И пусть дожди тревожно бьют в набат,
А лето лепестками жизнь роняет,
Ведь время не отступит ни на шаг.
Но если есть на свете боль и мрак,
То, значит, есть и то, что утешает —
Другие души, как родной очаг.

Стихи будут...

Стихи будут правдой, незабвенная моя радость,
Они сойдут благословением с неба, зачем-то простившего
Тебя и меня. В этих стихах не будет лишнего,
Только горьким пророчеством – то, что в душе осталось.

И там, где темно, вспыхнет свет неземного счастья,
И если ты говоришь – у тебя можно звёзды достать рукой,
Я отчаянно хочу к тебе, я хочу с тобой! —
Неразрывно единым целым, твоей безупречной частью.

Стихи мои будут чем-то вроде банального монолога,
Но, разговаривая сама с собой, я буду лишь наполовину счастлива,
А ты... Ты не слушай, не отвечай, ты и так до предела ласковый,
Чем и отличаешься от очень и очень многих.

И прошу тебя – не влюбляйся в них по-настоящему,
Ведь невозможность так часто и неожиданно ломает жизни,
А реальность порой жестока, бескомпромиссна...
Просто читай стихи мои, сами с собой говорящие.

Наступит осень

Однажды наступит осень прохладным сном,
Выдержав долгую паузу смены сезонов.
Август заплачет последним грибным дождём,
Слёзы оставив на жёлтой траве газонов.

И больно затронет печалью живое в нас,
Раны душевные расторомошив стихами.
В тонкий хрусталь опустевших цветочных ваз,
В память о лете, букетики астр поставит.

И снова мы будем по разным земным краям
Греться ночами, под пледами, с чашкой чая —
Ты, как обычно, с жасмином, и с мятой – я,
Только надеясь, как прежде, что ты скучаешь.

А осень опять захлебнётся тоской без дна,
Серыми тучами, как пелериной, объята,
И в отражениях скучных витрин, одна,
Будет жестоко гасить над землёй закаты.

И я, повзрослевшая будто на сотни снов,
С чашкой – не мятного, всё же, с жасмином – чая,
Буду любить эту осень без слёз, без слов,
Очень надеясь, что ты, как и я, скучаешь.

Пьяный художник

Июль беспощадно сжигал обнаженные листья,
Зноем дыша, оголял человечьи тела.
Пьяным художником, брался за краски и кисти
И рисовал наши сны, в стиле «ню», до утра.
А ночи сводили с ума учащенным дыханьем,
Страсти кипели и били горячим ключом,
Только под утро, во снах, мы почти умирали,
Нежно прощаясь друг с другом под первым лучом.
Июль раскалял тротуары, натягивал нервы,
Тонкими струнами раненной женской души,
Пьяным художником, он рисовал нас на стенах,
Звёздных оттенков, в палитру свою, накрошив.
И ночи играли мелодию высохших листьев.
Мы догорали, как угли, в ладонях жары.
Нежный художник брал в руки хрустальные кисти,
И рисовал, в стиле «ню», откровенные сны.

Зачем опять все мысли о тебе?

Зачем опять все мысли – о тебе?
От них лишь холодок по бледной коже...
Зачем они, посланники небес,
Врываются ко мне из чёрных дыр?
А мы так удивительно похожи,
Влюблённые герои нежных снов...
Я так же, как и ты, люблю любовь,
И, если на двоих её умножить,
Хватило бы на весь огромный мир.

Зачем опять в тебе мои мечты?
И ты – во мне, как искорка желаний,
И для чего так много запятых,
На матовых страницах наших дней?
Я далека от всех святых писаний,
Но в сумерках чернеющих, густых,
Я снова вспоминаю всех святых...
А ты, как идеал – неподражаем,
Живёшь во мне всей сущностью своей.

Зачем опять все мысли об одном —
О том что жизнь, увы, мне дать не может,
В коротком воплощении земном,
Единственно желанную мечту.
И только холодок по бледной коже,
И сумерки в окне из чёрных дыр...
Но для меня ты, всё же, целый мир,
Ведь мы так непростительно похожи...
Я его без памяти люблю
Без шансов на прекрасную мечту,
Без права на великую надежду,
Я никогда не буду где-то – между...
Сама себе я шанс такой не дам.
Я выжила из сердца пустоту,
Заполнила свободное пространство
Придуманно-счастливым постоянством,
В отместку всем прошедшим временам.
Я счастлива теперь. Я вне времен.
Я вне стереотипов и пристрастий.
Я внутренне раздроблена на части,
Но к этому уже не привыкать.
Покой души внезапно обретён,
И прошлое утратило значенье.
Нашла я должданное спасенье
В безжизненной ненужности искать.

А я его без памяти люблю...
Вне физики и всех земных законов,
Вне идеалов глянцевого, иконного,
Всех здравых смыслов, выводов, таблиц...
Он для меня подобен журавлю...
Он – искренность среди житейской чуши...
Я тишину всю жизнь готова слушать,
Чем щебет надоевших мне синиц...

Розовой зарёй

На берег опускался знойный день.
Галдели чайки. Пахло чем-то сладким,
И в море растворялась без остатка
Ночная синеглазая печаль.

А собственная маленькая тень
Плелась за мной лениво вдоль прибоя,
Молясь о даровании покоя,
Скользя под солнцем в голубую даль.

Я выходила звёзды провожать,
Зарю встречая влажную, морскую,
И знойный день любил меня такую,
Какой я неосознанно была.

О большем не хотелось и мечтать.
Кричали чайки. Пахло чем-то сладким,
И золотым блестящим отпечатком
Ложилась на виски заря.

Солёный ветер щёки целовал,
Она ревниво обжигала плечи.
Мне так хотелось окунуться в вечность,
Что не было во мне мечты иной.

И был конец сомнительных начал
Моих несуществующих открытий.
Моя необретённая обитель
Рождалась в море розовой зарёй.

Знаешь, Дима...

Сотни бездушных прохожих мелькают мимо.
Что уж прохожие... Годы несутся прочь!
А знаешь, Дима,
Всё ведь однажды уйдёт в непроглядную ночь,
Так же безлико, невидимо, неумолимо...
Так же, когда-то, с деревьев листва спадает.
Осень, окинув тускнеющим взлядом мир,
Уж точно знает,
Как нам живётся в панельных тисках квартир,
Как и за кем, мы, бессонницей в ночь, скучаем.

Знаю, останутся книги, стихи и ноты,
Музыкой сердца и памятью милых лиц.
И самолёты, Дима! И самолёты,
Птицами счастья, сквозь мили земных границ,
И долгожданными встречами в аэропортах.
Всё ведь, однажды, останется в прошлых зимах.
Мы не заметим внезапный приход весны.
Ты, как никто, знаешь, Дима,
Что жизнь скоротечна, а ночи безумно длинны
И невозможны, без нежности рук любимых.

Не читай...

Не тревожь нераскрытые тайны в моём заповедье,
Не тяни дверцу шкафа – там свежий ночует скелет,
Не пытайся отведать на вкус приворотное зелье,
Я сварила его на последний семейный бюджет.

Не ходи, по ночам, по зловещим пустым переулкам,
Не ищи в них того, с кем под черным широким плащом,
Я частенько, счастливая, в полночь иду на прогулку,
По таинственной тёмной аллее, увитой плющом.

Не читай надо мною молитв, и священной водицей,
Не забрызгивай дом и пути, по которым я шла.
Не зови чародеев, волшебников и экзорцистов,
Если хочешь я ими, кудесница, стану сама.

Не петляй, не следи, не окуривай травами спальню,
Не плутай, наобум, по моей зазеркальной стране.
Я грешу, как всегда... Но грешу – не любовью... Печалью!
Лишь душа, но не тело, – обитель святого во мне.

Рифмой играя...

Слово за словом, строка за строкой, день за днём,
Рифмой играя, мне даришь кусочек рассвета,
Алого, жаркого, как земляничное лето,
Нежно упав на ресницы пушистым лучом.

И ручейком ледяным, в этот пламенный зной,
В сердце июня, меня освежаешь идеей —
Быть озарённой твоим воздыханием Феей,
Стать для тебя самой ласковой тёплой Весной.

Рифма течет по моим паутинковым снам,
Благославляя меня переливами скрипки,
И, безмятежная, в утренней неге, улыбка,
Тенью скользнет по, слегка ещё, сонным губам.

Мне нравится быть счастливой

Жизнь бывает немного тосклива,
Безнадёжна, ненастна, жестока.
Жизнь бывает глупа. Вот только,
Мне так хочется быть счастливой.
Но, в панельных объятых квартиры,
Безысходность вскрывает мне вены.
Я могу быть до слёз откровенной,
Будто душу из тела вынуть.
И её разменяв на взаимность,
С кем-то добрым и очень тёплым,
Перестать быть постыдно-свободной,
Только жизненно-необходимой.
Хоть и кажется жизнь тоскливой,
Будто осенью дождь морозящий,
Мне так хочется быть настоящей!
Мне так нравится быть счастливой!

Неужели, так могут люди...

Удивляло меня не однажды —
Неужели, так могут люди!
Неужели, так могут люди —
Словно свечи, в ночи догореть...

А потом – нестерпимая жажда —
Их нехватка ломает кости!
Их нехватка ломает кости,
Эту боль невозможно терпеть.

От предательства ноет под сердцем,
Неужели, ненужной стала?
Неужели, ненужным стало,
Человеку, родное крыло...

Будто в горло насыпали перца.
И кричать бы, но хриплый голос...
Мне кричать бы, да хриплый голос,
Как разбитое камнем стекло.

И калечит минутами время,
Так медлительно стрелки вправо...
Как стремительно стрелки вправо!
Не могу научиться жить.

Так бывает, однажды, со всеми...
Так умеют, наверно, люди..
Так, конечно, умеют люди!
Навсегда... Насовсем...
Уходить.

На перекрёстке

Я выйду на конечной остановке,
И волосы растреплет пьяный ветер.
Пойду одна. Одна – за всё в ответе.
Одна – на перекрёстке двух разлук.

Казалось бы, расчётлива, чертовка,
Да только, вот проблема – не владею
Искусством постановки чётких целей,
И знанием практических наук.

Одна, на перекрёстке двух историй,
Споткнусь о камень горьких сожалений.
Я захлебнусь от грусти поражений,
И упаду, разбив коленки в кровь.

Казалось бы, я ангельски спокойна,
Да только, свыше, – это не заметят.
Мне волосы, хмельной, растреплет ветер,
И в клочья разорвёт мою любовь.

Моя любовь

Мой маленький каприз, моя любовь,
Ты где-то есть – за тысячами дней,
За миллионами негаснущих огней,
За горькой неизбежностью ветров.

Закрыв на миг глаза, я утону
В безбрежности твоих зеленых глаз,
И помолюсь, кому-нибудь, о нас,
А может быть, нечаянно всплакну.

Моя любовь, мой странник сентября,
В реальности моей сбываться явью
Я не прошу тебя, и не лукавлю —
Я Девочка... Я Грусть... Твоя...

А знаешь...

А знаешь, мне опять без тебя не спится...
До истерики маюсь в густом киселе ночей.
Я читала стихи, я пыталась дождём напиться,
Беспощадно сожгла полвагона церковных свечей.
А знаешь, я почти никогда не плачу...
До безумия хочется просто рыдать навзрыд.
Я колола вязальными спицами тонкие пальцы,
Мелодрамы смотрела, усердно учила санскрит.
А знаешь, у меня не звонит будильник...
До психоза доводит, под утро, жестокий рассвет.
Я за шторами пряталась, я выключала светильник,
И спокойно смотрела на твой, молчаливый, портрет.
А знаешь, обо мне ведь никто ничего не знает...
До бестактности, душу свою – на замок от всех.
Только если, однажды, тебя в этом мире не станет,
Этот мир не узнает, каков был последний мой грех.

Так странно...

Так странно... Так волнующе... Так близко...
И, в то же время, очень далеко...
Я перечитываю нашу переписку,
А на душе – и грустно, и светло.

А знаешь, не бывает расстояний,
Они у нас в тоскующем уме,
Как будто, снизу вверх, карандашами
Расчерчены, на глянцевой стене.

И всё, что не сбылось, совсем не важно.
Скучать, не зная – очень странно мне.
А не скучать, быть может, даже страшно,
О, как приятно думать о тебе!

Так странно.. Так пленительно... Так чуждо...
Во мне так много «слишком твоего»,
И ты, как воздух, как любовь мне нужен,
Ты нужен мне как море – глубоко!

На мостовой...

Померкнет в одночасье здравый смысл,
Перчатки упадут на мостовую,
И краденные маки поцелуев,
Вишнёво, заалеют на губах.

А солнечный, блестяще-белый, диск
Покатится за линию заката,
И будет ночь, как перечная мята,
Благоухать в пушистых волосах.

И чья-то дивно-тёплая рука
Едва плеча, холодного, коснётся,
И всё внутри раскается, сожмётся
От этого вселенского тепла.

И загорится в центре живота,
Новорождённой нежностью пернатой.
Глаза в глаза посмотрят виновато,
А за спиной возникнут два крыла.

Пронзительно, мелодией дождя,
Вдруг заиграет небо, как оркестр,
Как будто в знак великого протеста.
Качнутся ивы, с грустью колдовской.

И будет ночь, и будет тишина,
И тихие молитвы на прощанье —
Двух душ, в ночи, незримое венчание
На одинокой, скользкой мостовой.

Здесь и сейчас

«Здесь и сейчас» не терпит возражений,
Ведь в будущем и прошлом нет нужды,
Когда из однобоких убеждений
Своё «сегодня» шатко строим мы.

И, надрываясь грузом за плечами,
Скрипя зубами, тащим багажи —
Великие надежды – кирпичами,
И плитами бетонными – мечты.

Мы верим, что от боли есть вакцина,
А счастье там, куда летит стрела.
Невидимую срезав пуповину,
Связующую души и тела.

Не обещал...

А он мне ничего не обещал...
И никогда бровей, сердясь, не хмурил.
Не провожал, тоскливо, на вокзал,
И не глядел, расстроено, мне вслед.
Он не любил волнительных бесед,
Рыданий на плече моих, капризных,
Он говорил: «Пойдём, малыш, покурим...»
И никогда курить не запрещал...
Он не со мной грешил, не мной дышал!
Он не сводил с ума меня, нарочно,
И быть свободной вовсе не мешал,
Лишь изредка ныряя в мой рассвет.
Он не любил меня... И так уж вышло,
Что мне свести бы счёты с этой жизнью,
Да только... Он мне снится по ночам...

Я не могу себе позволить...

Я не могу себе позволить повторений,
И, на кого-то, безалаберной похожести,
И угрызений, выскобленной, совести,
До белоснежно чистого листа...
Я не могу себе позволить быть смиренной,
И беспринципно, до банальности, растерянной,
И восходить, цинично и намеренно,
На чей-то королевский пьедестал.

Я не могу не показаться окрылённой,
И пусть я смысла жизни и не ведала,
А кто-нибудь подумает, что ведьма я,
В своём необъяснимом амплуа.
Я обитаю в тихом омуте бездонном,
Здесь черти по утрам со мною молятся,
Но святости страдальцы, невольницы,
Себе я не позволю никогда.

Зеркала

Отражение яви – немыслимый бред,
Бесполезная трата терпения.
Ведь душа в этом теле – нетленная,
Даже если в аду гореть.

Я смотрю на себя в миражи-зеркала,
Нахожу недостатки старательно.
И, казалось бы, жизнь замечательна,
Даже если душевно-больна.

А разбить на куски не берётся рука,
Это хрупко-живое безмолвие.
И, наверное, жизнь очень долгая,
Даже если любовь коротка.

Я смотрю в них, как в сон, но молчат зеркала,
Только кто-то мне в них улыбается,
И, конечно же, жизнь продолжается,
Даже если сгорела дотла.

Тихо...

Громких прощаний, и слёз на подушку, не будет.
Тихо в мой дом постучит золотистый июнь,
Высушит лужи, и, солнцем, бульвары разбудит,
Ночи обманет огромными дисками лун.

Тихо на землю опустит большие ладони,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.